ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

№ 11

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ НАШИХ ЖУРНАЛОВ

И. Р. Бехер, О. Биха, В. Бредель, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вайскопф, К. Витфогель, Ф. Вольф, А. Габор, Э. Гинкель, О. М. Граф, М. Гресхеннер, К. Грюнберг, К. Нейкранц, Э. Оттвальт, Т. Пливье, Э. Пискатор, Л. Ренн, К. Клебер, А. Курелла, Б. Ласк, Г. Мархвица, Г. Егер, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Л. Турек, А. Шаррер (Германия);

Ш. Андерсон, М. Голд, Дж. Дос-Пасос, Т. Драйзер, Дж. Калар, У. Кармон, Дж. Стил, Дж. Кьюниц, Синклер Льюис, Л. Лозовик, М. Пэйдж, У. Синклер, А. Смэдли, У. Фрэнк, Дж. Фримэн, У. Чемберс, Л. Хьюз (Америка);

Л. Арагон, А. Барбюс, Ж. Р. Блок, П. Вайян-Кутюрье, А. Жид, Ж. Жионо, А. Мальро, Л. Муссинак, П. Низан, Ромэн Роллан, Ж. Садуль, Ж. Фревиль (Франция);

А. Барта, Ш. Гергель, А. Гидаш, Б. Иллеш, Л. Киш, В. Камьят, Г. Лукач, Э. Мадарас, Я. Матейка (Венгрия);

Иеф Ласт, Герард Фантер (Голландия);

П. Илемницкий, Ст. К. Нейман, Л. Новомесский (Чехословакия);

П. Шнур, Ф. Яничек (Австрия);

В. Броневский, А. Ват, Ст. Выгодский, Ю. Грот, С. Людкевич, Ст. Р. Станде, Б. Ясенский (Польша);

Дж. Джерманетто, Росси (Италия);

Р. Альберти, Х. Ардериус, С. М. Арконада, С. Вальехо, М. Т. Леон, Р. Х. Сендер (Испания);

Ч. Ашли, А. П. Ролей, Г. Хэзлоп, Б. Шоу, Дж. Стрэчи, А. В. Эллис (Англия);

Энер Томасен, З. Лунд, М. А. Нексе (Дания);

Иокум, Л. Лайценс, Я. Эйдук (Латвия):

Го Ма-жо, Лу Син, Мао Дунь, Эми Сяо, Тянь Хань, Фин Сефуи, Хуа Хань, Цянь Синцунь, Чжоу Цин, Шен Туасянь (Китай);

О. Брандоу (Бразилия);

Хосе Мансисидор (Мексика);

И. Анисимов, И. Бабель, Билль-Белоцерковский, О. Брик, Е. Габрилович, Е. Гальперина, Ф. Гладков, Глебов, А. Дейч, С. Динамов, А. Запровская, К. Зелинский, А. Елистратова, Вс. Иванов, М. Ильин, И. Ильф, А. Исбах, И. Кашкин, М. Кольцов, В. Киршон, В. Катаев, Л. Кассиль, Ф. Кельин, Лахути, М. Левидов, Л. Леонов, В. Лидин, Д. Мирский, Я. Металлов, И. Микитенко, И. Нусинов, Н. Огнев, К. Паустовский, Е. Петров, Б. Пильняк, Пранскус, А. Селивановский, И. Сельвинский, В. Ставский, Н. Тихонов, С. Третьяков, А. Фадеев, М. Шагинян, Ф. Шиллер, В. Шкловский, М. Д. Эйхенгольц, И. Эренбург, Н. Эйшискина (СССР).

СОДЕРЖАНИЕ

Джемс Джойс

Перевод с английского Н. ВОЛЖИНОЙ[1]

Улисс

6

Мартин Каннингхем первый сунул голову в цилиндре в скрипучую карету и, ловко вскочив, уселся. Мистер Пауэр вошел за ним, осторожно сгибая свое длинное туловище.

— Садитесь, Саймон.

— Садитесь, садитесь, сказал мистер Блум.

Мистер Дедалус поспешно надел цилиндр и влез в карету, говоря:

— Да, да.

— Все здесь? спросил Мартин Каннингхем. Садитесь, Блум.

Мистер Блум вошел и сел на свободное место. Он потянул за собой дверь и плотно прихлопнув, плотно закрыл ее. Он продел руку в петлю и сосредоточенно посмотрел в открытое окно кареты на приспущенные шторы вдоль всего авеню. Одна приподнялась: какая-то старуха выглядывает. Нос до-бела приплюснутый к стеклу. Благодарит судьбу, что ее миновало. Поразительно, как они интересуются покойниками. Рады, когда мы уходим, наше появление на свет им так трудно дается. Эта работа им, кажется, по душе. Шушукаются по углам. Шмыгают взад и вперед, шлепая шлепанцами, — как бы он не проснулся. Потом убирают его. Одевают. Молли и мисс Флеминг оправляют постель. Потяните немного на себя. Наш саван. Никогда не знаешь, кто будет трогать тебя мертвого. Обмоют тело. Вымоют голову. Кажется стригут ногти и волосы. Кладут в конверт. Все равно после отрастают. Грязная работа.

Все ждали. Не говоря ни слова. Выносят венки, должно быть. Я сижу на чем-то твердом. А-а, это мыло в заднем кармане. Надо бы переложить его оттуда. Подожду удобного момента.

Все ждали. Потом впереди послышался скрип колес; потом ближе; потом цоканье подков. Толчок. Их карета тронулась, скрипя и покачиваясь. Сзади тоже зацокали подковы, заскрипели колеса. Проплыли шторы авеню и девятый номер с крепом на дверном молотке, дверь приоткрыта. Шагом.

Они все еще ждали, их колени сталкивались, потом карета свернула и поехала по трамвайной линии. Тритонвилл-род. Быстрее. Колеса гремя грохотали по булыжникам мостовой, и расшатанные стекла гремя дребезжали в дверцах кареты.

— Как он нас везет? спросил мистер Пауэр, вопрошая оба окна.

— Айриштаун, сказал Мартин Каннингхем. Рингсенд. Брунсвик-стрит.

Мистер Дедалус кивнул, посмотрев в окно.

— Вот прекрасный старый обычай сказал он. Приятно, что он все еще держится.

Все четверо смотрели в окна на шляпы и цилиндры, приподнимаемые прохожими. Уважение. Карета свернула с трамвайной линии на более ровную дорогу за Уотери-лэйн. Мистер Блум настороженно взглянул на стройного молодого человека в трауре, широкополая шляпа.

— Вон идет один ваш знакомый, Дедалус, сказал он.

— Кто?

— Ваш сын и наследник.

— Где? спросил мистер Дедалус, потянувшись к окну.

[1] Под редакцией Первого переводческого коллектива ССП.

Карета, миновав разрытые трубы и водостоки, развороченную мостовую перед жилыми домами, завернула за угол и, в'ехав опять на трамвайную линию, загромыхала дальше, стуча колесами. Мистер Дедалус сел на место и спросил.

— А этот прохвост Маллиган тоже с ним? Его fidus Achates?[1]

— Нет, сказал мистер Блум. Он шел один.

— Должно быть к своей тете Салли пошел, сказал мистер Дедалус,— Гулдинговская клика, спившийся адвокатишка и Крисси, папочкина любимая какашка. В отца, не в прохожего молодца. Мистер Блум невесело улыбнулся. Рингсендрод. Стекольный завод бр. Уоллес, Доддерский мост.

Ричи Гулдинг и портфель с бумагами. Гулдинг, Коллис и Уорд, так он зовет свою фирму. Его шутки отдают плесенью. А когда-то ходил козырем. Отплясывал вальс с Игнатиусом Галлахером в воскресенье утром на Стеймерстрит, напялив на голову две шляпы своей квартирной хозяйки. Куралесил целыми ночами. Теперь это начинает сказываться: подозрительны его боли в спине. Жена утюжит ему спину. Думает вылечится пилюлями. А в них только и есть, что хлебный мякиш. Процентов шестьсот прибыли.

— Связался со сворой проходимцев, ворчал мистер Дедалус. Этот паршивец сопливый Маллиган повсюду слывет отпетым мерзавцем. Его имени слышать не могут в Дублине. Но с помощью господа и его пресвятой матери я какнибудь на-днях напишу такое письмецо его мамаше или тетке, или как там она ему приходится, что она глаза вылупит. Посмотрим, как он у меня тогда запляшет.

Он кричал, заглушая стук колес.

— Я не потерплю, чтобы этот ее сукин племянник погубил моего сына. Приказчичий сын. Отец тесьму продавал в лавке моего дяди Питера Поля МакСуини. Как бы не так.

Он замолчал. Мистер Блум перевел взгляд с его сердитых усов на кроткое лицо мистера Пауэра и на глаза и бороду Мартина Каннингхема, спокойно покачивавшегося. Крикливый самодур. Полон своим сыном. Он прав. Есть что оставить после себя. Если бы маленький Руди был жив. Видеть как он растет. Слышать его голос в доме. Гуляет с Молли в Итонской курточке[1]. Мой сын. Я в его глазах. Странное чувство должно быть. От меня. Чистая случайность. Должно быть в то утро на Реймондтэррес, она стояла у окна, смотрела как две собаки проделывали это самое у стены Не содейте зла. И ухмыляющийся полицейский. На ней было то кремовое платье, разорванное, так и не собралась зашить. Давай, Полди. Господи, до чего мне. Так начинается жизнь.

Тогда и забеременела. Пришлось отказаться от Грэйстонских концертов. Мой сын в ней. Я поставил бы его на ноги. Поставил бы. Обеспечил бы его. И немецкому выучил бы.

— Мы не опаздываем? спросил мистер Пауэр.

— На десять минут, сказал Мартин Каннингхем, взглянув на часы.

Молли. Милли. Почти то же, только пожиже. Ругается как мальчишка. О Зевс зевластый! Боги всемогущие, огольцы плывущие. Все-таки славная девочка. Скоро будет женщиной. Мэллингер. Милый папуля. Молодой студент. Да, да: тоже женщина. Жизнь. Жизнь.

Карету тряхнуло вперед и назад. Все четыре туловища качнулись.

— Корни мог бы дать нам рыдван получше сказал мистер Пауэр.

— Конечно мог бы, сказал мистер Дедалус, только он глаза не в ту сторону скосил. Вы меня понимаете?

Он прищурил левый глаз. Мартин Каннингхем принялся смахивать хлебные крошки из-под своих ляжек.

— Господи помилуй, сказал он. что это такое? Крошки?

— Здесь, должно быть, пикник кто-то устраивал, сказал мистер Пауэр.

Все стали приподнимать свои ляжки, неодобрительно разглядывая заплесневелую потертую кожу сидения. Мистер Дедалус, сморщив нос, сердито посмотрел вниз и сказал:

— Как по-вашему, я прав, Мартин?

[1] В рный друг (лат.).

[1] Детский костюм, напоминающий покроем форму Итонского колледжа.

— Пожалуй, что и так, сказал Мартин Каннингхем.

Мистер Блум опустил ляжку. Хорошо, что я принял ванну. Приятно что ноги чистые. Вот только миссис Флеминг неважно носки заштопала.

Мистер Дедалус покорно вздохнул.

— В конце концов, сказал он, это самая естественная вещь на свете.

— А Том Кернан пришел? спросил Мартин Каннингхем, легонько посучивая кончик бороды.

— Да, ответил мистер Блум. Он сзади, с Нэдом Ламбертом и Хайнзом.

— А сам Корни Келлехер? спросил мистер Пауэр.

— На кладбище, сказал Мартин Каннингхем.

— Я встретил сегодня утром Мак-Коя, сказал мистер Блум. Он сказал, что постарается притти.

Карета резко остановилась.

— Что такое?

— Мы застряли.

— Где мы?

Мистер Блум высунул голову из окна.

— Большой Канал, ответил он.

Газовый завод. Говорят вылечивает коклюш. Хорошо, что у Милли никогда не было. Несчастные дети! Изсине-черные корчатся в конвульсиях. Просто ужас. Она еще легко отделалась. Только корь. Настой из льняного семени. Эпидемии скарлатины и инфлуэнцы. Агенты смерти. Не упускайте случая. А вон убежище для собак. Бедный старый Атос! Не забывай Атоса, Леопольд, это моя последняя воля. Да будет воля твоя.

Мы повинуемся им, когда они в могиле. Предсмертные каракули. Он затосковал, умер от горя. Спокойное животное. У стариков собаки всегда такие.

Дождевая капля плюнула ему на шляпу. Он спрятался и увидел как короткий дождь спрыснул серый булыжник. Редкий. Забавно. Как сквозь сито. Так я и думал. Башмаки скрипели, теперь вспоминаю.

— Погода меняется, спокойно сказал он.

— Жаль, что недолго продержалась, сказал Мартин Каннингхем.

— Полям нужно, сказал мистер Пауэр.

А вот опять солнце. Мистер Дедалус, взглянув сквозь очки на затянутое облаками солнце, послал небу немое проклятие.

— Ненадежно, как детское донышко, сказал он.

Поехали. Карета опять завертела тугими колесами, их туловища легонько качнулись. Мартин Каннингхем быстрее засучил кончик бороды.

— Том Кернан был бесподобен вчера, сказал он. А Пэдди Леонард в глаза издевался над ним.

— Представьте его, Мартин, оживленно сказал мистер Пауэр. Вы только послушайте, Саймон, — о том как Бен Доллард исполняет «Стриженого».

— Бесподобен, торжественно сказал Мартин Каннингхем. *Никогда в жизни не приходилось мне слышать, Мартин, более сочного исполнения этой простой баллады.*

— Сочного, смеясь, сказал мистер Пауэр. Это его любимое словечко. И еще ретроспективная аранжировка.

— Читали речь Дэна Даусона? спросил Мартин Каннингхем.

— Нет еще, сказал мистер Дедалус. А где?

— В сегодняшней газете.

Мистер Блум вынул газету из внутреннего кармана. Книгу надо переменить для нее.

— Нет, нет, перебил мистер Дедалус. После, сделайте милость.

Взгляд мистера Блума пробежал по краю газеты, задерживаясь на извещениях о смерти. Арбрайт, Дигнэм, Коулмэн, Кэллен, Лаури, Науманн, Пик, какой это Пик? тот самый, что служил у Кросби и Эллана? нет, Секстон, Фаусет. Жирные буквы быстро стираются на истрепанной мягкой бумаге. Возносим благодаренье Маленькому Цветку[1]. Убитые горем. С прискорбием извещают о. В возрасте 88 лет после продолжительной и тяжкой болезни. Панихида по Куинлену. Иисусе сладчайший, помилуй его душу.

Вот уж месяц обитель его в небесах,
Милый Генри оставил всех нас.
И, скорбя о потери, взывает семья
О, когда-же свиданья час.

Я разорвал конверт? Да. Куда же я дел ее письмо, после того, как читал его в ванне? Он пощупал жилетный карман. Все в порядке — здесь. Милый Генри оставил всех нас. Пока терпение мое не истощится.

Церковно-приходская школа. Лесной склад Мида. Извозчичья биржа. Только две остались. Клюют носом. Наелись до отвала. Неповоротливые у них мозги. Третья тащится с седоком. Час тому назад я проходил здесь. Возницы приподняли шляпы. Спина стрелочника выпрямилась неожиданно рядом с трамвайной остановкой под окошком мистера Блума. Неужели не могут изобрести что-нибудь автоматическое, чтобы колеса сами. Гораздо удобнее. Да, но тогда этот человек потеряет работу? Да, но тогда другой человек получит работу, изготовлять новый прибор.

Антьенновский концертный зал. Ничего нет сейчас. Человек в светло-коричневом костюме с крепом на рукаве. Не очень-то он горюет. Неполный траур. Родственник по жене должно быть.

Они проехали мимо сумрачной кафедры св. Марка, под виадуком, мимо театра Королевы: в молчании. Афиши. Юджин Стрэттон. Миссис Бэндмен Палмер. Может быть я еще попаду на Лию сегодня. Я сказал что я. Или Килларнийскую Лилию? Оперная труппа Элстера Граймса. Полная перемена программы. Пестрые, сырые афиши на следующую неделю. Бристольские Забавы. Мартин Каннингхем может достать контрамарку в Варьетэ. Придется угостить разок-другой. То же на то же выйдет.

Он зайдет днем. Ее выступление.

Пласто. Памятник с фонтаном сэру Филиппу Крэмптону. А кто он такой был?

— Здравствуйте, сказал Мартин Каннингхем, поднимая руку ко лбу в знак приветствия.

— Он нас не видит, сказал мистер Пауэр. Нет, увидел. Здравствуйте.

— Кто? спросил мистер Дедалус.

— Блэйзес Бойлэн, ответил мистер Пауэр. Вон он проветривает свою шевелюру.

А я как раз думал.

Мистер Дедалус потянулся к окну поклониться. От дверей Рэд-Бэнка блеснул в ответ белый диск соломенной шляпы: прошел мимо.

Мистер Блум стал разглядывать ногти на левой руке, потом на правой. Ногти, да. И что в нем они она находит? Наваждение. Самый дрянной человек в Дублине. Этим он и живет. Они иногда берут чутьем. Инстинкт. И все-таки подобный суб'ект. Мои ногти. Я как раз смотрю на них: хорошо подстрижены. А после одна размышляет. Тело становится дрябловатым. Я-то вижу, помню каким раньше было. Оттого, должно-быть, что кожа не поспевает стягиваться, когда мясо опадает. Но формы да. Формы все те-же. Плечи. Бедра. Пухлые. В тот вечер, когда одевалась на бал. Рубашка застряла между ягодицами.

Он зажал руки между колен и, удовлетворенный, обвел рассеянным взглядом их лица. Мистер Пауэр спросил:

— Ну, как турнэ, Блум?

— О, прекрасно, сказал мистер Блум. Об этом много говорят. Это блестящая идея, знаете...

— А вы сами едете?

— Да нет, сказал мистер Блум. Мне собственно говоря, надо с'ездить в графство Клэр по своим делам. Они, видите-ли, решили об'ехать все большие города. Прогорят в одном, наверстают в другом.

— Правильно, сказал Мартин Каннингхем. Мэри Андерсен сейчас тоже в поездке.

— А у вас хорошие силы?

— Ее импрессарио Луис Вернер, сказал мистер Блум. Да, первоклассные. Дж. С. Дойл и, надеюсь, Джон Мак Кормэк и. Можно сказать лучшие.

— Не говоря уже о Madame, сказал мистер Пауэр, улыбаясь.

Мистер Блум разжал руки, вежливо протестуя, и снова сжал их. Смит О'Брайен. Кто-то положил здесь цветы. Женщина. Должно быть годовщина его смерти. Дай бог и в будущем году. Карета, огибая памятник Фарреллу, безшумно соединила их несопротивляющиеся колени.

Ы-ы: плохо одетый старик протягивал с края панели свой товар, рот открывался: ы-ы.

— Четы-ыре шнурка за пенни.

Интересно за что его выгнали из суда. Была своя контора на Хьюм-стрит. В том же доме, где однофамилец Мол-

[1] Эмблема святого Антония.

ли, Твиди, королевский прокурор в Уотерфордском суде. Все тот же цилиндр на нем. Остатки былого величия. Тоже в трауре. Здорово спустился бедняга. Выгнали отовсюду как шелудивого пса. О'Калахэн при последнем издыхании.

Не говоря уже о Madame. Двадцать минут двенадцатого. Встала. Миссис Флеминг пришла убираться. Причесывается, напевая: Voglio e non vorrei. Нет: Vorrei e non. Рассматривает кончики волос, не секутся-ли. Mi trema un poco il. Прекрасно у нее звучит голос на этом tre: рыдающий звук. Горлица, горлинка. Есть такое слово горлинка, которое выражает это.

Его глаза скользнули по благообразному лицу мистера Пауэра.

Начинают седеть виски, Madame, улыбаясь. Я тоже улыбнулся. Улыбкой многое можно сказать. А может быть, простая вежливость. Славный человек. Неужели правда, что он содержит какую-то женщину? Мало приятного для жены. Но говорят, кто это мне рассказывал, будто отношения у них платонические. Небось живо надоело-бы. Да, это Крофтон, встретил его как-то вечером, нес ей фунт вырезки. Кто она такая? Официантка у Джури. Или у Мойра, что-ли?

Они проехали под статуей Освободителя[1] в широком плаще.

Мартин Каннингхем подтолкнул локтем мистера Пауэра.

— Из колена Рувимова, сказал он.

Высокий чернобородый человек, опираясь на палку, проковылял за угол мимо Слона Элвери, показал им скрюченную руку, заложенную за спину.

— Во всей своей первобытной красе, сказал мистер Пауэр.

Мистер Дедалус взглянул вслед ковыляющей фигуре и сказал кротко.

— Чтобы тебе чорт спину сломал!

Мистер Пауэр, трясясь от холода, заслонил лицо от окна когда карета проезжала мимо памятника Грэю.

— Все мы там были, просто сказал Мартин Каннингхем.

Его глаза встретились с глазами мистера Блума. Он погладил бороду и добавил:

[1] Даниил О'Коннел.

— Вернее почти все.

Мистер Блум вдруг оживленно заговорил, обращаясь к лицам своих спутников.

— Замечательный анекдот ходит про Дж. Рувима и его сына.

— Это что, с лодочником? спросил мистер Пауэр.

— Да. Правда замечательно?

— А в чем дело? спросил мистер Дедалус. Я не слышал.

— Тут была замешана какая-то девица, начал мистер Блум, и он решил отправить его на остров Мэн подальше от греха, но когда они оба...

— Что? спросил мистер Дедалус. Этот жалкий недоношенный сопляк?

— Да, сказал мистер Блум. Они шли вместе к пароходу и он хотел утопиться...

— Топи Варраву! крикнул мистер Дедалус. Ей богу, я-бы ничего против не имел!

Мистер Пауэр протяжно фыркнул сквозь заслоненные ноздри.

— Нет, сказал мистер Блум, это сын хотел...

Мартин Каннингхем резко перебил его речь.

— Дж. Рувим мчался вместе с сыном по набережной к Мэнскому пароходу и этот молокосос вдруг вырвался и махнул прямо в Лиффи.

— Господи помилуй! испуганно воскликнул мистер Дедалус. Утонул?

— Утонул! крикнул Мартин Каннингхем. Как бы не так! Лодочник выудил его багром за мотню и доставил отцу прямо на набережную. Еле живого. Весь город сбежался.

— Да, сказал мистер Блум. Но самое смешное...

— А Дж. Рувим, сказал Мартин Каннингхем, дал лодочнику флорин[1] за спасение сына.

Приглушенный вздох раздался из-под ладони мистера Пауэра.

— В самом деле дал, повторил Мартин Каннингхем. Как герой. Серебряный флорин.

— Ну, разве это не замечательно? оживленно сказал мистер Блум.

— Переплатил шиллинг и восемь пенсов, сухо сказал мистер Дедалус.

[1] Флорин — два шиллинга.

Сдавленный смех мистера Пауэра тихо огласил карету.

Колонна Нельсона.

— Восемь слив на пенни! Восемь на пенни!

— Неудобно, господа, давайте будем немного посерьезнее, сказал Мартин Каннингхем.

Мистер Дедалус вздохнул.

— А что в самом деле, сказал он, бедняга Падди не стал бы обижаться, что мы немного посмеялись. Он сам не мало хороших анекдотов на своем веку рассказал.

— Господи, прости меня грешного! сказал мистер Пауэр, вытирая пальцами влажные глаза. Бедный Падди! Не думал я неделю назад, когда я в последний раз видел его в добром здравии, что придется так вот провожать его. Ушел он от нас.

— Один из самых порядочных людей на свете, сказал мистер Дедалус. Скоропостижно скончался.

— Удар, сказал Мартин Каннингхем. Сердце.

Он грустно постучал пальцем по груди.

Воспаленное лицо: горит огнем. Питал пристрастие к Джону ячменное зерно. Лекарство от красноты носа. Пьет, пока нос не станет как аделит. Сколько он денег извел на свой нос.

Мистер Пауэр с тоскливым опасением смотрел на мелькавшие мимо дома.

— Он умер скоропостижно, бедняга, сказал он.

— Самая лучшая смерть, сказал мистер Блум.

Их широко открытые глаза уставились на него.

— Никаких страданий, сказал он. Мгновение и все кончено. Как смерть во сне.

Никто ничего не сказал.

Мертво на этой стороне улицы. Никакого оживления днем. земельные агентуры, гостиница без подачи спиртного, ж.-д. справочник Фалконера, коммерческое училище, Гилл, католический клуб, убежище для слепых. Почему? Есть какие-нибудь причины. Солнце или ветер. Вечером тоже. Трубочисты и кухарочки. Под покровительством покойного отца Мэтью. Камень для будущего памятника Парнеллю. Удар. Сердце. Белые лошади с белыми султанчиками на лбу вынесли галопом из-за угла Ротонды. Маленький гроб промелькнул. Второпях зарыть прах. Траурная карета. Не женатый. Женатым вороные. Холостякам пегие. Монашке мышастую коняшку.

— Печально, сказал Мартин Каннингхем. Ребенок.

Лицо карлика, лиловое и морщинистое, у маленького Руди было такое же. Тело карлика, мягкое как замазка, в сосновом ящике с белой обивкой. Погребение за счет страхового общества. Пенни в неделю за кусочек дерна. Наш. Малютка. Шалунишка. Бессмысленно. Ошибка природы. Если здоров, значит в мать. Если нет, в отца. Ну, бог пошлет еще.

— Бедняжка, сказал мистер Дедалус. Отделался.

Карета медленно взбиралась в гору на Ратлэнд-сквэр. Кости встряхнут. По камням повезут. Стал ты ничей. Маленький плут.

— В расцвете сил, сказал Мартин Каннингхем.

— Но самое ужасное, сказал мистер Пауэр, это когда человек сам лишает себя жизни.

Мартин Каннингхем порывисто вынул часы, кашлянул и сунул их обратно.

— Величайший позор для всей семьи, добавил мистер Пауэр.

— Временное помешательство, конечно, решительно сказал Мартин Каннингхем, не надо относиться к этому с такой суровостью.

— Говорят, что тот, кто это делает — трус, сказал мистер Дедалус.

— Не нам судить, сказал Мартин Каннингхем.

Мистер Блум хотел что-то сказать, но закрыл рот. Большие глаза Мартина Каннингхема. Смотрит в сторону. Добрый мягкий человек. Неглупый. Похож на Шекспира. Всегда найдет доброе слово. Здесь не прощают этого или детоубийства. Отказывают в христианском погребении. А раньше вбивали в сердце кол. в могиле. Как будто оно и так не разбито. Иногда они раскаиваются, в последнюю минуту. Найден на дне реки; вцепившись в камыши. Он смотрел на меня. А жена у него какая

ужасная пьяница. Сколько раз обставлял квартиру, а она чуть не каждую субботу закладывает мебель от его имени. Не жизнь, а сущий ад. Этак и камень не выдержит. В понедельник начинай все сначала. Как белка в колесе. Ну и видик у нее был, Дедалус рассказывал, в тот вечер, когда он зашел к ним, бегает по комнатам и размахивает зонтиком Мартина:

Я слыву жемчужиной Азии,
Азии,
Гейша.

Он смотрит в сторону. Он знает. Кости встряхнут.

День, когда производили следствие. Бутылка с красным ярлычком на столе. Комната в гостинице, на стенах охотничьи картинки. Душно было. Солнце сквозь щели жалюзи. Уши следователя, большие и волосатые. Коридорный дает показания. Сначала думал, что он спит. Потом увидел как-будто желтые полосы на лице. Соскользнул к ногам кровати. Заключение: слишком большая доза. Несчастный случай. Письмо. Моему сыну Леопольду.

Нет больше страданий. Больше не проснешься. Стал ты ничей.

Карета быстро прогромыхала по Блессингтон-стрит. По камням повезут.

— Во весь опор мчимся, сказал Мартин Каннингхэм.

— Как-бы он не вывалил нас посреди дороги, сказал мистер Пауэр.

— Надо надеяться, что нет, сказал Мартин Каннингхем. Завтра в Германии большой скаковой день. Гордон Беннет.

— А ведь верно, сказал мистер Дедалус. Вот-бы посмотреть.

Когда они свернули на Беркли-стрит, шарманка пустила им в след от угла Бассейна разудалую, рокочущую шансонетку. Кто видел здесь малютку Келли? Ка е два эл и. Похоронный марш из Саула. Скуп, как старик Антонио. Не дал мне ни дублонио. Пируэт. Mater Misericordiae[1]. Экклз-стрит. Недалеко до моего дома. Большое здание. Убежище для неизлечимых. Утешительно ,нечего сказать. Больница богоматери, для умирающих. Мертвецкая ту внизу. Где умерла старуха Райор Женщины ужасно выглядят. Ее ми ка, стараются пропихнуть ей ложк рот. Потом ширмы перед кроват пусть умирает. Симпатичный студент перевязку делал когда меня пчела уж лила. Говорят, перешел в родильн дом. Из одной крайности в другую.

Карета во весь опор завернула угол; остановилась.

— Что там еще?

Разделенный на двое гурт клейменного скота прошел мимо окон, мыча тяжело ступая расшлепанными копытами, медленно обмахивая хвостам грязные костлявые крупы. По сторона и в перемежку с быками метались м ченные овцы, выблеивая свой испуг.

— Эмигранты, сказал мистер Пауэ

— У-у-у! голос погонщика кричал кнут щелкал их по бокам. У-у-у! Шевелись!

Ах да, четверг. Завтра бойни работают. Бычки. Кафф продавал их чуть-ли не по двадцати семи фунтов с головы Для Ливерпуля должно быть. Ростбиф для старой Англии. Скупают самых откормленных. А голье пропадает: все это сырье, кожа, шерсть, рога. За год составит порядочную сумму. Торговля мертвым мясом. Отходы боен на кожевенные заводы, мыло, маргарин. Интересно, продолжаются эти махинации скупка несвежего мяса прямо с поезда в Клонсилле.

Карета продвигалась вперед сквозь гурт.

— Не понимаю, почему городской совет не проведет трамвайной линии от загона к пристани, сказал мистер Блум Можно было бы подвозить скотину к пароходам прямо на платформах.

— Вместо того, чтобы запружать улицы, сказал Мартин Каннингхем. Правильно. Совершенно необходимо.

— Да, сказал мистер Блум, и вот еще о чем я часто думаю, о похоронных трамваях, знаете, как в Милане Провести линию к самым воротам кладбища и подавать специальные трамваи катафалки, карету и все, что полагается. Вы понимаете, что я хочу сказат

— Придумали тоже, просто анекд сказал мистер Дедалус. Со спальны местами и с вагоном-рестораном.

— Печальные перспективы для Кор ни, добавил мистер Пауэр.

— А что? спросил мистер Блум, повернувшись к мистеру Дедалусу. Разве приличнее нестись вскачь вот так по двое в ряд.

— Да, отчасти это правильно, согла ился мистер Дедалус.

— По крайней мере, сказал Мартин аннингхем, не было бы таких случаев, ак помните, когда катафалк опроки улся на углу возле бара Данфи и вы алил гроб прямо на дорогу.

— Это было ужасно, сказало содрог увшееся лицо мистера Пауэра, покой ик вывалился на дорогу. Ужасно!

— Первым пришел к бару Данфи, казал мистер Дедалус, кивнув. Кубок ордон-Беннета.

— Господи помилуй! набожно ска ал Мартин Каннингхем.

Трах! На бок. Гроб шлепнулся о зем ю. Отскочила крышка. Падди Дигнэм рохнулся в пыль, перевернулся коло ой, в коричневом костюме не по рос у. Красное лицо: теперь серое. Рот азинут. Спрашивает, что случилось. равильно, что подвязывают. Ужасно, огда открыт. Да и внутренности ско ее разлагаются. Самое лучшее затк уть все отверстия. И там. Воском. финктер ослабевает. Все запечатать.

— Бар Данфи, об'явил мистер Пауэр, огда карета свернула направо.

Бар Данфи на углу. Траурные кареты еснятся, топят горе в вине. Остановка пути. Великолепное место для бара. олжно быть заедем на обратном пути ыпить за его здоровье. Круговая чаша утешение. Элексир жизни.

А что, если бы это случилось на са ом деле. Потекла бы кровь, если бы, н, ну скажем на гвоздь напоролся от ряски? Не то да, не то нет. Смотря акое место. Кровообращение останав ивается. Все-таки из артерии может росочиться. Надо-бы хоронить в крас ом: темно красном.

Молча они проехали по Фибсборо од. Пустой катафалк протрусил мимо озвращаясь с кладбища: как-будто с блегчением.

Кроссганский мост: Королевский ка ал.

Вода с ревом рвалась сквозь шлюзы. еловек стоял на медленно оседающей барже посреди кусков торфа. На тропинке вдоль канала лошадь на слабо натянутой бечеве. На барже Бугабу.

Их глаза следили за ним. По ленивому, заросшему каналу он плыл на своем плоту через всю Ирландию к морю, тащился на бечеве мимо зарослей камыша, поверх ила, забитых тиной бутылок, собачьей падали. Атлон, Мэллингэр, Мойвэлли, можно бы пешком вдоль канала, повидать Милли. Или на велосипеде. Взять напрокат какое-нибудь старье, безопасней. На аукционе у Рэнна продавался один, только дамский. Развитие водных путей. Излюбленное занятие Джэмса Мак-Кэнна перевозить меня на лодке через реку. Дешевый способ передвижения. Небольшими рейсами. Пловучие дома. На вольном воздухе. И катафалки. По воде на небеса. Пожалуй не стану предупреждать письмом, приеду неожиданно, Лейкслип, Клонсилла. Из одного шлюза в другой, и так до самого Дублина. Вместе с торфом с ирландских болот. Приветствие. Он приподнял коричневую соломенную шляпу, приветствуя Падди Дигнэма.

Они проехали мимо дома Брайэна Бороимхе. Теперь близко.

— Интересно, что поделывает наш друг Фогарти, сказал мистер Пауэр.

— Об этом надо спросить Тома Кернана, сказал мистер Дедалус.

— А что? сказал Мартин Каннингхем. Должно быть оставили его в слезах.

— Хоть с глаз долой, сказал мистер Дедалус, а сердцу дорог.

Карета свернула влево на Фингласрод.

Мастерская надгробных памятников справа. Последний пробег. Столпившиеся на клочке земли показались безмолвные фигуры, белые, скорбные, простирая неподвижные руки, горестно преклоняя колена, подымая указующий перст. Фрагменты статуй, высеченные из камня. В белом молчании: взывают. Художественное выполнение. Т. Х. Деннэни, надгробные памятники и изваяния.

Мимо.

На краю тротуара перед домом Джимми Гири, кладбищенского сторожа, сидел старый бродяга, ворча себе

[1] Милосердная богоматерь (лат.) — больница в Дублине.

под нос, вытряхивая песок и камни из громадного порыжевшего от пыли рваного башмака. Конец странствия земного.

Сумрачные сады прошли мимо, один за другим: сумрачные дома.

Мистер Пауэр показал.

— Вот здесь убили Чайлдса, сказал он. В последнем доме.

— Да, сказал мистер Дедалус. Жуткая история. Сеймур Буш вызволил его. Убил родного брата. По крайней мере так говорят.

— У обвинений не было улик, сказал мистер Пауэр.

— Только косвенные, сказал Мартин Каннингхем. Это принцип правосудия. Лучше оправдать девяносто девять виновных чем осудить одного невинного.

Они смотрели. Место убийства. Оно осталось позади, мрачное. Закрытые ставни, нежилой, запущенный сад. Все пошло прахом. Осудить невинного. Убийство. Лицо убийцы в зрачках убитого. Любят читать про это. Отрубленная голова на садовой дорожке. На убитой было. Причина смерти. Следы насилия. Оружие убийцы. Ведутся розыски преступника. Улики. Шнурок от ботинка. Отдано распоряжение вырыть тело. Убийство раскроется.

Тесно в этой карете. Может быть она будет недовольна, если я приеду без предупреждения. С женщинами надо поосторожней. Застанешь, чего доброго, со спущенными панталонами. Никогда не простят. Пятнадцать.

Высокие прутья кладбищенской ограды зарябили в глазах. Темные тополя, редкие белые статуи. Статуи чаще, белые фигуры, теснящиеся между деревьев, белые статуи и фрагменты проплывают мимо безмолвно, тщетным движением простирают застывшие руки.

НЕГРИТЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ИЗ НЕГРИТЯНСКИХ ПЕСЕН ПРОТЕСТА

1

Мягкий хлеб, с мясом суп[1]
Каждый день нам здесь дают, —
Так ведь дома я не жил никогда.

Выдаются носки,
Полосатый костюм. —
Так ведь дома не ходил никогда.

А соломы найдешь, —
Ну, чего ж еще хошь? —
Так ведь дома я не спал никогда.

Есть браслетки для ног,
Есть колечки и для рук, —
Так ведь дома щеголять я не мог.

Не жалей, не жалей!
Здесь, в тюрьме, мне хорошо, —
Так ведь дома не живал никогда.

2

Вошь в тюрьме
Больше, чем кит,
Ты ей пощекочешь пузо,
Хвостом шелестит.

Скушно, братец, в тюрьме,
скушно, брат!
Скушно, нехорошо.
Нет простынь,
Ну так что ж:
Здоровеннейшие блохи
Покрывают нас сплошь.

Скушно, брат! Скушно, брат,
Нехорошо.

Стерлинг Браун

Мне нравится, как ты любишь,
Я тебя не поймал ни на чем дурном,
И все-таки мне мученье
Оставаться с тобой вдвоем.

Такое уж есть мученье
У железнодорожника:
Всегда ему хочется ехать,
Дома ему — тоска.

Ночью, на своей цыновке,
Когда тихо кругом и все спят,
Я слышу — пустые вагоны
Под откос тормозами скрипят.

А днем мне становится ясно,
Что дома я одинок,
Когда двух встречных, или на стрелке
Вдруг загудит гудок.

Ты сделал все, что возможно,
Чтоб я остался с тобой,
Не моя вина, если еду:
Значит, это я дурной.

Людей мне надо увидеть,
Которых я не видал,
Побывать мне надо повсюду,
Где я еще не бывал.

Никто не гонит меня дорогая,
И незачем мне уезжать.
Да у меня уж привычка такая —
Просто взять и удрать.

Перевел Юлиан Анисимов

---

[1] Это стихотворение обратилось в народную песню. Существует ряд вариантов ее.